

Владимир Васильевич Кожевников¹ (v.ronin@rambler.ru)

ПРИНЦ НАГАЯ И СТАТУЯ БОЛЬШОГО БУДДЫ В НАРА

В статье рассматривается судьба и деятельность японского политика VIII в. принца Нагая, сыгравшего важную роль в становлении японского государства в период раннего феодализма. Принц Нагая — потомок императора Тэндзи — занимал должность правого, а затем левого министра. Считался центром сил, оппозиционно настроенных по отношению к дому Фудзивара. После восхождения на престол императора Сёму большое влияние при дворе получили четыре брата Фудзивара. В 729 г. они спровоцировали обвинение принца в заговоре против государства и довели его до самоубийства. Нагая считается в японском обществе одним из первых реальных прототипов *онрё* — мстительного духа, части традиционной японской веры. Однако отечественные специалисты не рассматривают данный аспект в качестве реального фактора японской истории, и он практически остаётся вне их интереса. Статья анализирует появление в Японии веры в *онрё*, её мотивационную роль в поступках политических деятелей в истории страны VIII в. В качестве примера приводится одна из версий того, почему именно в это время в государстве, терзаемом бедствиями и катаклизмами, несмотря на грандиозные расходы, была отлита самая крупная в мире на тот момент медная статуя Большого Будды в г. Нара.

Ключевые слова: Япония, раннее Средневековье, принц Нагая, дом Фудзивара, императрица Комё, *онрё*, традиционные верования.

Vladimir V. Kozhevnikov¹ (v.ronin@rambler.ru)

PRINCE NAGAYA AND STATUE OF THE BIG BUDDHA IN NARA

The article discusses the fate and activities of the Japanese politician of the VIII century prince Nagaya, who played an important role in the formation of the Japanese state during the period of early feudalism. Prince Nagaya — a descendant of Emperor Tenji — served as right and then left minister. It was considered the center of forces opposed to the Fujiwara clan. After ascending the throne of Emperor Shyomu, four brothers of Fujiwara gained great influence at the court. In 729, they provoked the prince to be charged with conspiracy against the state and brought him to suicide. Prince of Nagaya is considered in Japanese society one of the first real prototypes of *onryo* — a vengeful spirit, part of the traditional Japanese faith. However, the belief in *onryo* as a real factor in Japanese history is practically beyond the interest of Russian historians. The article analyzes the

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

appearance in Japan of this faith, its motivational role in the actions of political figures in the history of the country of the eighth century. As an example, one of the versions of motivating casting in Japan of the eighth century, the largest in the world at that time copper statue of the Big Buddha in Nara, is given.

Keywords: Japan, the early Middle Ages, the Prince of Nagaya, the clan of Fujiwara, Empress Komyo, *onryo*, traditional beliefs.

Основная задача исторической науки состоит в изучении причин и последствий конкретных событий, которые, в свою очередь, являются результатом действий конкретных людей. Очень часто учёные при этом концентрируются исключительно на материальной сфере, обосновывая различные исторические факты теми или иными объективными причинами — экономическими или политическими, — игнорируя существование субъективного духовного мира. Но в древности и в Средние века именно религиозные представления, выраженные в тех или иных верованиях, зачастую выступали главными мотивирующими факторами действий и обычного человека, и политика. В старину люди верили в богов, духов и действовали в рамках данных представлений. Это наблюдалось во всех странах, и Япония не была исключением. Игнорирование данных фактов может привести к неправильной оценке исторических событий.

Когда мы говорим о Стране восходящего солнца, важно учитывать такой фактор, как вера местных жителей в *онрё* (мстительных духов). Как показывает анализ исторических фактов, именно она являлась главным мотивом для тех или иных действий политических лидеров страны, включая императоров. В японской исторической науке признаётся наличие таких верований, но принято считать, что они появились в Японии в период Хэйан, т.е. только при императоре Камму (737—806). Однако на наш взгляд, истоки подобных религиозных представлений уходят корнями гораздо глубже — в период Нара и раньше. Появление письменных свидетельств о вере в *онрё* в период Хэйан не означает, что её не было раньше, просто в это время она достигла своего пика.

В качестве одного из доказательств существования такой веры ещё в период Нара может служить история принца Нагая, внука императора Тэмму (середина VII в.). Его биография является богатым материалом для исследования политической жизни, быта и верований людей конца VII — начала VIII в. Деятельность принца осуществлялась в один из интересных периодов становления японского феодализма — в период Рицурё². Представители дома Фудзивара обвинили его в заговоре против императора Сёму, и он вместе с семьёй был доведён до самоубийства. Однако после этого во время эпидемии оспы, обрушившейся на страну, один

² *Рицурё* — система юридических законов, заимствованных из Китая в VII—VIII вв., на базе которых было создано японское государство. В историографии Японии период с VII по XII в. называется «государство *рицурё*».

за другим умерли все четыре брата Фудзивара — инициаторы заговора против Нагая. В японском обществе их смерть была расценена именно как результат мести духа принца. Теперь рассмотрим подробнее основные аспекты жизни и смерти Нагая и попытаемся соотнести их с тогдашней политической обстановкой Страны восходящего солнца.

Принц Нагая (長屋王, 684 — 20 марта 729) — политик периода Нара, сын принца Такэти (внук императора Тэмму), его матерью была принцесса Минабэ (дочь императора Тэндзи). В 721 г., после смерти Фудзивара Фухито, стал правым министром, а в 724 г., после восхождения на трон императора Сёму, был повышен до левого министра. Считался центром оппозиционных клану Фудзивара сил. Принц полагал, что неверное политическое управление навлекает на страну наказания в виде природных бедствий, что соответствовало конфуцианским представлениям о связи природы и политики. Поэтому Нагая заставлял всех чиновников и аристократию безупречно выполнять свои обязанности. Надо сказать, что он собирал вокруг себя людей талантливых, культурных, образованных — под стать себе: ведь сам принц обладал неплохими литературными способностями. Его стихи на китайском (сочинение поэтических произведений на этом языке являлось признаком высокой образованности) были включены в известные альманахи «Манъёсю» и «Кайфусо». Также Нагая писал стихи и на японском [5, с. 98]. Кроме того, он считался знатоком буддизма. По его указу было изготовлено 117 статуй бодхисаттвы Каннон [3, с. 196], в усадьбе Нагая постоянно работали переписчики сутр и мастера буддийской скульптуры. Принц являлся человеком весьма влиятельным в политической сфере, в то время не было других членов императорской семьи, способных с ним конкурировать.

Резиденция принца Нагая находилась в тогдашней столице Японии — Хэйдзёкё (Нара). Как показали археологические раскопки, он жил в огромной усадьбе, которая находилась на участке большого размера рядом с юго-восточным углом императорского дворца. В непосредственной близости располагались особняки известных аристократов. В результате раскопок в этом районе было найдено большое количество декоративной черепицы. В то время она использовалась в основном в дворцах и храмах столицы Хэйдзёкё и очень редко встречалась у жилых домов. При раскопках обнаружили и свидетельства китайского влияния, в частности династии Тан, а также коммерческой деятельности в рамках Шёлкового пути. В то время в Японию импортировали трёхцветную керамику из Китая. Была найдена и местная трёхцветная керамика периода Нара, эти гончарные изделия высоко оценили археологи, поскольку они являлись первыми артефактами японского происхождения, в которых использовались искусственные глазури [6].

В результате раскопок во владениях принца Нагая, занимающих 60 тыс. кв. м, выявлено около 250 сооружений (без фундаментных камней), 50 колодцев, аллей, рвов и заборов. Сам особняк делился забором

на специализированные функциональные пространства, такие как частная резиденция, ритуальные зоны, складские помещения и правительственные рабочие места [6].

Были обнаружены различные артефакты, которые, как считается, использовались в магических или ритуальных целях: деревянные фигурки человека и предметы в форме лодок.

Учёные обнаружили и зигзагообразный искусственный пруд длиной 50 м, который был построен из камней. В настоящее время этот объект обозначен как «историческое место особого значения». Также известно, что принц Нагая держал журавлей в качестве домашних животных. Всё это иллюстрирует и подтверждает роскошный образ жизни аристократа периода Нара [6].

Одной из самых ценных находок явилось около 50 тыс. так называемых *моккан* — специальных деревянных табличек для записей³. Их обнаружили в восточной части особняка. Именно из надписей на деревянных пластинах учёные смогли установить, что здесь жили принц Нагая и его жена, принцесса Киби [2, с. 149]. Это выдающееся открытие, потому что в Хэйдзёкё очень мало мест, которые могут быть связаны с конкретными их жителями.

Учёные многое узнали из *моккан*, использовавшихся для совершения сделок принцем Нагая, членами его семьи и представителями администрации на территории, которая была центром повседневной жизни принца [6]. В VII и VIII вв. дерево использовалось для широкого спектра документальных целей, которые выходили далеко за рамки простой маркировки. Любое официальное сообщение или записка, не требующие длительного архивного хранения, могли быть написаны на маленькой дощечке. Она могла быть отброшена после того, как информация достигла места назначения, но также могла храниться какое-то время в качестве административной записи. Недавнее обнаружение тысяч табличек *моккан*, датированных 711—716 гг., на месте дворца принца, предоставило много новой информации о том, как работали домашние канцелярии периода Нара. Теперь ясно, что управление принца Нагая имело сложную структуру, включающую, по крайней мере, две, а, возможно, и три отдельные, но взаимосвязанные канцелярии. В этом случае *мокканы* предоставили новую информацию о матриархальных элементах родства и наследства древней японской знати [7, р. 247—249].

У принца и его жены имелись поместья, называемые Мита или Мисоно, в пров. Ямато и её окрестностях (современная префектура Нара). Из этих поместий рис, овощи и другие товары доставлялись к месту проживания

³ В древние времена бумага была дорогой, поэтому для ежедневных записей и общения использовались деревянные дощечки. После того как сообщение достигало адресата, оно соскабливалось, и на пластинку наносилось новое. В исследовательском плане ценность *моккан* сравнима с берестяными грамотами, по которым российские археологи восстанавливают быт жителей древнего Новгорода.

принца и принцессы. Записи свидетельствуют о том, что эти поместья не только были предоставлены правительством в соответствии со статусом Нагая, но и находились в его частной собственности в то время, когда вся земля теоретически принадлежала государству.

Принц владел *химуро* (хранилищем льда) в Цуге (современный г. Тенри), в 10 км к юго-востоку от Нара. Лёд заготавливали зимой, а летом доставляли в дом почти каждый день. Предполагается, что семья принца использовала лёд для охлаждения саке в жару. Учитывая отсутствие тогда средств охлаждения, сопоставимых с современными, лёд был ценным «продуктом» для лета, и тот факт, что Нагая владел частным «ледником», является признаком роскошной жизни [6].

Многие из поместий принца располагались в южной части равнины Нара, где находились предыдущие столицы. Но некоторые из них были и в других районах, расположенных вокруг пров. Ямато, в том числе Кавати (современная префектура Осака) и Ямасиро (современная префектура Киото). Кроме того, семейство Нагая получало различные товары, включая рис, соль и морепродукты, не только из своих имений, но и из более отдалённых провинций, таких как Оми (префектура Сига), Этидзэн (префектура Фукуи) и Сануки (префектура Кагава). Предполагается, что эти товары поставлялись правительством. Таким образом, влияние и связи принца распространялись на обширные территории и за пределами столицы.

Благодаря его безупречной родословной в императорской семье он был влиятельной личностью в японской политике VIII в. Будучи левым министром (в то время это был самый высокий правительственный пост, примерно эквивалентен современному премьер-министру), он фактически возглавлял правительство. Образ жизни принца Нагая даёт представление об условиях быта тогдашней аристократии и — в какой-то степени — об общих условиях жизни в Японии в начале VIII в.

В то время клан Фудзивара являлся наиболее могущественным конкурентом Нагая. Фудзивара Фухито — глава дома — был самым влиятельным придворным при правящей императрице Гэнсё, двоюродной сестре принца Нагая. После смерти Фухито в 720 г. принц получил всю полноту власти внутри двора.

Этот переход власти стал источником более поздних конфликтов между Нагая и четырьмя сыновьями Фухито (Мухимаро, Фусасаки, Маро и Умакай) во времена правления императора Сёму. Дело в том, что после смерти Фухито ключевые посты при дворе заняли принцы: Тонери и Ниитабе — сыновья императора Тэмму, и Нагая — его внук. Таким образом, члены семьи дома Фудзивара, которые долгое время находились в центре политической сцены, были отодвинуты от реальной власти на второстепенные должности. Принц Нагая изначально был настроен критически по отношению к политике Фудзивара Фухито и проводил более мягкую политику по сравнению с жёсткой репрессивной деятельностью своего предшественника.

Для того чтобы сделать больше площади обрабатываемых земель, в 722 г. правительство по инициативе принца приняло план по их увеличению до 1 млн *тё*⁴. В действительности такой цифры Япония достигла только в XVI в., и остаётся неясным, почему был издан заведомо невыполнимый указ. На следующий год принц Нагая выпустил так называемый «Указ о трёх поколениях и одной жизни», согласно которому разработчик новой системы ирригации на целинных землях мог пользоваться землёй в течение трёх поколений, а тот, кто использовал при поднятии целины готовую систему ирригации, мог пользоваться этой землёй на протяжении всей своей жизни. Другими словами, такие участки закреплялись за людьми на правах частного владения. Фактически этот указ стал миной замедленного действия, которая подорвала в конечном итоге наделную систему, поскольку открыл путь к созданию частного землевладения [1, с. 40—41].

Однако Фудзивара всё ещё имели значительное влияние на придворные дела, о чём говорит тот факт, что после отречения императрицы Гэнсё в 724 г. внук Фухито (принц Обито) был наконец возведён на престол как император Сёму. Возможно, это произошло потому, что принц Нагая решил: бурно развивающуюся политическую ситуацию при дворе можно стабилизировать только путём признания законности положения Обито как наследного принца.

Хотя экономическая напряжённость, вероятно, также обуславливала трудности для принца Нагая в сохранении контроля над придворными делами, именно политическая оппозиция клана Фудзивара была, скорее всего, главной причиной его устранения.

Первое указание на то, что Нагая теряет контроль над ситуацией, появилось в девятом лунном месяце 927 г., когда дочь Фухито — жена императора Сёму (императрица Комё) — родила принца Мотои, которого назначили наследником ещё до достижения им возраста одного года. Это был большой шанс для членов клана Фудзивара, теперь они могли рассчитывать на то, что преемником Сёму станет принц, родившийся от матери из их клана, что соответствовало придворной традиции. Однако принц Мотои умер юным. У императора Сёму вскоре появился ещё один сын — принц Асака, но его мать не была урождённой Фудзивара, поэтому клан не мог делать на него ставку. Тем временем жена Сёму, императрица Комё, смогла родить только девочку — принцессу Абэ (будущую императрицу Кокэн). А принц Асака оставался единственным сыном Сёму, что позволило бы этому ребёнку в конечном итоге стать следующим императором: поистине мрачная перспектива для лидеров дома Фудзивара.

Когда умер первый малолетний сын Сёму, в столице распространялись слухи, что причина смерти — магия принца Нагая, который якобы сам хотел стать императором. Во дворец попал секретный доклад двух мелких

⁴ *Тё* — единица площади, соответствующая 2,45 га.

чиновников, в котором говорилось, что «левый министр Нагая, изучив колдовство, стремится с его помощью разрушить государство» [10, с. 56].

Император издал указ об усилении охраны дворца и центральных провинций, а отряд под командованием Фудзивара Умакаи окружил резиденцию принца. По преданию, Нагая перед штурмом его дворца сказал: «Чем быть невинно казнённым, лучше умереть самому...» [10, с. 56]. Его жена и дети тоже покончили с собой. Был издан указ, согласно которому жена принца признавалась невиновной, и поэтому предписывалось похоронить её с почестями, а похороны принца, хотя он и виновен, «не должны быть слишком неприличными» [7]. Так закончился жизненный путь принца Нагая, а реальная власть в стране перешла к принцу Татибана [7, р. 251]. В народной памяти принц Нагая остался невинно пострадавшим человеком, который стал впоследствии мстительным духом (*онрё*).

Теперь перейдём от строго исторических фактов к легенде о превращении принца Нагая в *онрё*. Как уже указывалось выше, особенностью японской культуры является вера в мстительных духов и их влияние на жизнь людей и общества. Этой детали уделяют внимание не так много профессиональных исследователей истории Страны восходящего солнца. Соответственно, вера в *онрё* как фактор, серьёзно влиявший на ход японской истории, практически остаётся вне интереса отечественных учёных. В российском японоведении определённое внимание уделяется японской мифологии и демонологии, в частности *ёкай* и *юрэй*, но не *онрё*.

В самой Японии долгое время эта тема тоже была табуированной среди профессиональных историков. Однако в последние десятилетия она получила развитие: известно более 300 книг и научных статей, посвящённых *онрё*⁵.

Что же такое вера в *онрё*? Если коротко, суть её заключается в том, что несправедливо лишённый жизни человек после смерти становится духом, который мстит своим обидчикам. Поэтому его надо умиротворять [3, с. 211–212].

Первой работой, посвящённой феномену *онрё*, является трактат «Гукансё», который был написан ещё в конце периода Хэйан монахом Дзиэн (1155–1225). По мнению автора, «сознание людей, которые в глубине души предполагают возможность появления *онрё*, и создаёт их» [12, с. 3]. При этом очень часто именно такая вера и была главным мотивом действий тех или иных лиц, влиявших на политику государства, включая императоров.

Разумеется, в первых японских хрониках «Кодзики» и «Нихон сёки» слово *онрё* не встречается, но на этом основании утверждать, что данное верование отсутствовало, было бы неправильно.

Возможно, ещё с доисторических времён существовали верования, согласно которым люди, умершие насильственной смертью, проклинали своих обидчиков. По мнению части японских историков, регистрировать

⁵ Умэхара Такэси, Судзуки Сатоси, Симура Кунихио, Анаока Акира, Ямада Юдзи, Идзава Мотохико, Оомори Акихиса и многие другие.

подобные факты в официальных документах было не принято, ведь это могло вызвать критику в отношении государства.

На наш взгляд, вера в *онрё* существует с момента образования японского общества. И это находит отражение в древних японских мифах. Из них можно сделать вывод, что первым *онрё* в стране было божество Оокунинуси, которое правилу древней Японией. Оокунинуси был вынужден уступить эту территорию богине Аматаэрасу. Но при передаче власти он завещал построить большой храм⁶, в котором должны были молиться умиротворению его духа, так как сам он превратился в *онрё*. Фактически с этого времени, т.е. с момента мифологического основания страны, и была заложена основа веры в *онрё*, которая, в свою очередь, явилась одним из корней японского менталитета.

Авторитетный философ Умэхара Такэси полагал, что практика умиротворения *онрё* появилась в Японии ещё в период Дзёмон (неолит). Он считал, что знаменитые глиняные фигурки периода Дзёмон — *догу* — были не чем иным, как изображением душ умерших людей [12, с. 13]. Гипотеза о появлении мстительных духов на более раннем этапе японской истории, чем период Хэйан, вполне убедительна. Верования не могут возникнуть в один день или год. Они складываются столетиями. Из всего этого можно сделать вывод, что в древности существовали представления о том, что души умерших насильственной смертью могли проклинать своих обидчиков и мстить им.

Фактически с появлением государства к V в. появились верования в то, что проигравший в политике становится *онрё* и мстит реальному миру. И поэтому естественно, что японцы начинают стремиться всячески сглаживать любые конфликты в отношениях, в том числе и с умершими, — дабы не спровоцировать их превращения в *онрё*. А если всё же мстительный дух появлялся, была выработана специальная методика для его умиротворения, так как *онрё* приносили несчастье не только самому виновному, но и всему обществу. На необходимость соблюдения правил бесконфликтной жизни указывал ещё принц Сётоку в первой статье своей Конституции: «Цените согласие, ведь основа всего — дух непротивления» (604 г.). Именно он ввёл в оборот принцип, сформировавший главную черту японского менталитета — стремление к гармонии (*ва*)⁷.

⁶ Храм Идзумо тайся (Izumo-taisha, букв. «Большая святыня Идзумо») — крупнейшее синтоистское святилище. Расположено в 6,5 км к западу от г. Идзумо в префектуре Симанэ. Время основания святилища точно неизвестно, но предполагается, что это был I в., поэтому Идзумо тайся считается самым старым храмом синто в Японии. Построен он в чисто японском архитектурном стиле тайся и является вторым по значению после святилища Исэ, которому 1700 лет. Идзумо состоит из двух длинных прямоугольных залов и имеет высоту 24 м (по легенде, изначально его высота была 96 м). У входа под кровлей укреплена огромная сплетённая из рисовой соломы верёвка *симэнава*, свидетельствующая о святости этого места. Идзумо тайся поражает воображение не яркостью и богатством украшений, а строгой сдержанностью и простотой.

⁷ Не случайно девиз правления нового японского императора звучит как *Рэйва*, что можно толковать как «побуждение к гармонии».

Разумеется, нельзя считать, что абсолютно любой человек мог стать после смерти *онрё*. Первоначально одной из главных причин такого превращения души было уничтожение потомков, которым следовало, по религии синто, поминать умерших. Однако позже добавилось ещё несколько условий, в основном связанных с положением и характером смерти человека. Во-первых, было необходимо, чтобы в реальной жизни он не достиг своих целей. Во-вторых, ему следовало умереть такой смертью, после которой остались горечь, ненависть, злоба. В-третьих, умерший (убитый) должен был при жизни гордиться своей властью. Именно эти критерии и обуславливали особенности *онрё*: ими являлись души людей, лишившихся своего положения и доведённых до смерти (убитых), оставивших, таким образом, в этом мире какое-то неудовлетворение и стремящихся в какой-либо форме его разрешить, а именно — отомстить обидчику из мира духов. При этом у возмездия имелся конкретный «адрес»: *онрё* были точно известны виновные, т.е. те, кого именно надо покарать [9, с. 420]. Однако месть могла затрагивать, как указывалось выше, не только самого виноватого, но и весь народ в целом: эпидемии и природные бедствия, согласно рассматриваемому древнему верованию, являются не чем иным, как результатом деятельности мстительных духов. Так, в «Нихон сёки», в разделе, посвящённом императору Судзин III в. до н.э., описан процесс проведения ритуала поминовения предков с целью избежания природных бедствий [4, с. 206—209]. Это можно считать ещё одним косвенным свидетельством наличия в Японии веры в *онрё*.

Для понимания феномена *онрё* в японской истории важно иметь в виду, что количество причин, по которым душа умершего превращалась в мстительный дух, увеличилось до указанного выше именно после смерти принца Нагая. Именно тогда по странному стечению обстоятельств на страну обрушилась эпидемия, унёсшая жизни всех четверых братьев Фудзивара, из-за которых принц был обвинён в заговоре против императора Сёму и которые, таким образом, явились виновными в смерти Нагая. В сознании представителей тогдашнего японского общества эти события оказались неразрывно связанными: прошедшее бедствие стало рассматриваться как месть духа оклеветанного принца. Отсюда в японском обществе и появилась вера в то, что убитый без вины человек тоже превращается в *онрё*. Об этом говорят разные исследователи. Например, М. Идзава, довольно стройно изложивший несколько концепций, связанных с верованиями в *онрё*, в качестве одного из доказательств существования такой веры ещё в период Нара приводит именно историю принца Нагая [9, с. 174—175]. С этой точкой зрения выражает солидарность и специалист по данной проблеме Ямада Юдзи, также полагающий, что первым «реальным» *онрё* можно считать принца Нагая [12, с. 3].

Существовало три основных способа, чтобы избавиться от мести разгневанного духа: официально признать несправедливость обвинения (ложный навет); посмертно повысить умершего в звании (ранге); казнить

виновного в смерти человека, ставшего *онрё*. В Японии процедура правил умиротворения разгневанного духа называлась *тинкон*. И случай принца Нагая здесь особенно интересен, так как власти постарались соединить признание его невиновности с казнью виновного. В официальной исторической хронике «Сёку нихонги» гораздо позже приводится информация о тех, кто написал донос на принца. И это одна из форм *тинкон*!

В один из осенних дней 738 г. мелкий чиновник Отото но Комуси играл с придворным Адзума бито в игру *го*. В процессе собеседники затронули историю принца Нагая, произошедшую за 9 лет до этого. Неожиданно Комуси вспылал, выхватил меч и убил Адзума бито. Важно заострить внимание на том, что Комуси раньше пользовался у Нагая покровительством, а Адзума бито являлся автором ложного обвинения принца. Именно так и было записано в хронике. Таким образом, факт доноса официально признан в истории. Смысл этого признания состоял в том, чтобы сообщить *онрё*: «Ты не виновен, преступник-доносчик Адзума бито убит, успокойся, не надо мести». Это и был пример *тинкон*. Хроника «Сёку нихонги» была окончательно составлена в 797 г., то есть уже в период Хэйан. Но работа над ней шла ещё в период Нара, следовательно, инцидент с убийством Адзума бито и его доносом был описан уже тогда [8, с. 438—440].

Кроме того, принц Нагая был также посмертно повышен в ранге. Традиционно его титул звучал как «принц» (王), а потом — «принц крови» (親王). И наконец, в «Нихон рёики» находим упоминание ещё более значимого титула — «премьер-министр» (太政大臣)⁸. Это навевает мысли о том, что такое серьёзное посмертное повышение в ранге было не чем иным, как элементом *тинкон*. Кстати, очень похожую судьбу наблюдаем и у другого политика периода Хэйан — Сугавара Митидзанэ, который тоже был признан *онрё*. Митидзанэ, бывшего правым министром, повысили посмертно до должности левого министра, затем — до премьер-министра, а потом и вовсе обожествили.

Согласно упомянутому сборнику легенд, останки Нагая отправили на о. Сикоку. Там, якобы из-за неуспокоенного духа принца, местные крестьяне стали умирать один за другим; не выдержав, они попросили убрать останки с острова [11, с. 23].

Однако на этом анализ ситуации вокруг принца Нагая рано считать оконченным. Дело в том, что одной из особенностей японского феномена *онрё* являлась реализация этой идеи в рамках не только традиционной национальной религии синто, но и буддизма. Следовательно, кроме *тинкона*, был ещё один способ избавиться от мести *онрё* — прибегнуть

⁸ «Нихон рёики» («Японские легенды о чудесах») — самый древний в Японии сборник буддийских историй. Он охватывает 810—824 гг. — самый ранний этап периода Хэйан. Там упоминается принц Нагая и описываются удивительные события, произошедшие после его смерти. Конечно, как и реалистичность любой другой легенды, достоверность этой истории сомнительна, но она говорит о существовании веры в *онрё* в народе.

к помощи второй религии. Именно поэтому, когда речь заходит о статуе Большого Будды в Нара, неизменно «всплывает» история принца Нагая и связь этой личности с верой в *онрё*.

Монах Сайтё в 805 г., а монах Кукай в 806 г. вернулись в Японию из Китая. Кукай привёз учение изотерического буддизма школы Сингон, а Сайтё — учение школы Тэндай. В Японии получила распространение идея о том, что для нейтрализации *онрё* изотерический буддизм наиболее эффективен, поэтому Кукай стал очень популярен. Это говорит о том, что в японском аристократическом обществе жил сильный страх перед *онрё*.

Идзава Мотохико постарался доказать, что статуя Большого Будды была отлита для того, чтобы снять проклятие принца Нагая, которое он наложил на дом Фудзивара и, соответственно, императрицу Комё и императора Сёму. У истоков этой гипотезы лежало стремление дома Фудзивара выдавать дочерей своей фамилии замуж за принцев императорской крови, с тем чтобы императорами становились только потомки Фудзивара. Это позволяло бы членам его дома занимать посты регентов и канцлеров при императорском дворе, а следовательно, обладать всей полнотой власти. Однако в начале VIII в. возникла угроза этой традиции.

Как уже отмечалось выше, в 720 г., когда умер Фудзивара Фухито, вся политическая власть, сосредоточенная в его руках, перешла к принцу Нагая, который изначально был настроен критически по отношению к политике дома Фудзивара. В 724 г. на трон вступил император Сёму — внук Фудзивара Фухито (сын его дочери), — и с этого времени на политическую арену вышли четыре сына Фухито: Мутимаро, Фусасаки, Умакай и Маро. Казалось, влияние дома Фудзивара восстановлено, тем более что жена Сёму, императрица Комё, сестра упомянутых четырёх братьев, родила сына, который был объявлен наследным принцем. Это привело к тому, что дом Фудзивара мог ещё больше усилить свои позиции при дворе. Всё складывалось для дома Фудзивара как нельзя лучше, но в следующем году юный наследник престола неожиданно умер. Одновременно с этим у другой жены Сёму, не принадлежавшей к роду Фудзивара, родился мальчик (Асака), который также мог претендовать на престол. Дом Фудзивара почувствовал опасность потерять влияние при дворе. Поэтому четверо братьев усилили давление на принца Нагая, который являлся главной помехой для их возвышения. Для начала они выбрали тактику изолирования принца. Его ближайшие помощники были постепенно переведены в отдалённые провинции, прежде всего на о. Кюсю, и он остался при дворе практически один. При этом братья не теряли надежды, что их сестра Комё сможет родить для императора Сёму наследника, однако эти чаяния не сбылись. Нервничающие Фудзивара попытались сделать двух из своих дочерей наложницами императора Сёму, но и эти женщины не смогли родить ему наследника [2, с. 153].

Теперь о связи *онрё* принца Нагая с возведением статуи Большого Будды. В качестве официальной причины громадного строительства

декларировалось «успокоение страны, прекращение бедствий, обеспечение счастья народа». При этом строительство было инициативой исключительно императорской четы и народной поддержки не имело, ведь на него тратились огромные деньги, которые в государстве, переживающем серьёзные природные катаклизмы, были отнюдь не лишними. При этом буддизм в Японии ещё не стал общенародной конфессией, данное обстоятельство не позволяло организовать народ для безвозмездного труда на религиозной почве.

Обращает внимание на себя тот факт, что инициатива строительства храмов *кокубундзи*⁹ и отливки статуи Большого Будды принадлежала не только и не столько императору Сёму, сколько его жене — императрице Комё, дочери Фухито [12, с. 16].

Идзава Мотохико приходит к выводу, что такая расточительность императорской четы обусловлена отсутствием у них наследника мужского рода, которому можно было бы передать императорский трон: принц Мотои умер, а принца Асака, рождённого от другой женщины, Сёму не признавал своим преемником. И причина его отказа заключалась в следующем: в то время при дворе сложилась практика, согласно которой наследниками трона становились потомки по мужской линии от императрицы Дзито, дочери Тэндзи, родившиеся от женщин из рода Фудзивара. Сам Сёму соответствовал этой традиции, а Асака нет [8, с. 432]. Но для кого старались четверо братьев Фудзивара, которые устранили принца Нагая? Конечно, для своей сестры — императрицы Комё. Таким образом, с точки зрения *онрё*, она тоже несла ответственность за то, что произошло с Нагая.

Разумеется, Комё и сама это осознавала. Именно поэтому она усиленно и рекомендовала императору Сёму строительство в каждой провинции храмов *кокубундзи*, хотя это приводило к огромным расходам. Этим дело не ограничилось: Комё выдвинула идею возвести храм Тодайдзи в качестве головного *кокубундзи* и поместить там громадную статую Большого Будды. Сёму, также принадлежавший к роду Фудзивара, тоже испытывал страх: ведь отсутствие ребёнка в семье императора было не частной, семейной, а политической, государственной проблемой. И её постарались решить «обращением к Будде». Поэтому Идзава Мотохико в своём исследовании ставит вопрос: не являются ли инициативы Сёму и Комё по возведению храма Тодайдзи и Большого Будды, а также храмов *кокубундзи* мольбой о послании ребёнка [8, с. 435]? Разумеется, в указах о строительстве храмов об этом нет ни слова. В них лишь сообщается, что целью возведения этих объектов является избавление от бедствий: пожаров, эпидемий, неурожая и т.п. [8, с. 436].

Как известно, период жизни императора Сёму в истории Японии (период Тэмпё) был временем великих бедствий: страну поочередно атаковали

⁹ *Кокубундзи* (国分寺) — буддийские храмы, построенные правительством в период Нара в каждой провинции в качестве государственных.

голод, эпидемии и землетрясения. От оспы умерли все четверо братьев Фудзивара, являвшиеся ведущими политическими фигурами того времени. При этом они были ещё и братьями императрицы Комё! А люди древней Японии, как мы уже неоднократно подчёркивали, представляли эти катаклизмы именно как месть *онрё*, которым в глазах общества был без вины оклеветанный и доведённый до смерти принц Нагая.

Историки задаются вопросом: почему же в официальных документах о создании храмов *кокубундзи* в каждой провинции и отливке Большого Будды ничего не говорится о том, что это было вызвано необходимостью упокоить душу Нагая? Писатель и историк-любитель Идзава Мотохико считает, что ответ достаточно прост: дело в том, что если бы в официальных документах было бы указано, что все эти мероприятия являются *тинконом* для умиротворения *онрё* Нагая, то это стало бы признанием ответственности императора Сёму и всего государства за смерть принца, что являлось недопустимым. Эта версия нетрадиционна, она отличается от мнения профессиональных историков, но выглядит довольно убедительно. Главное — она заставляет ещё раз обратиться к основам японской истории, попытаться понять влияние религиозного фактора на исторический процесс в стране, а следовательно, и выявить истоки менталитета японского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожевников В.В. Очерки истории Японии. 7—11 вв. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 270 с.
2. Кожевников В.В. Средневековая Япония в лицах. Владивосток: Дальнаука, 2007. 455 с.
3. Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. История древней Японии. СПб.: Гиперион, 2002. 509 с.
4. Нихон сёки. Анналы Японии. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 1. 494 с.
5. Светлов Г.Е. Колыбель японской цивилизации: История, религии, культура. М.: Искусство, 1994. 271 с.
6. Heritage of Japan Discovering the Historical Context and Culture of the People of Japan. URL: <https://heritageofjapan.wordpress.com> (дата обращения: 23.05.2019).
7. The Cambridge History of Japan. New York; Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Vol. 1. 577 p.
8. 逆説の日本史。古代怨霊編 = Идзава Мотохико. Парадоксальная история Японии. Т. 2. Древние онрё. Токио: 小学館, 1999. 525 с.
9. 逆説の日本史。古代言霊編 = Идзава Мотохико. Парадоксальная история Японии. Т. 3. Древние котодама. Токио: 小学館, 2002. 439 с.
10. 日本歴史の説 1 0 0 人 = 100 человек, создавших историю Японии. Токио, 1995. 415 с.
11. 日本の怨霊 = Оомори Акихиса. Японские онрё. Токио: 平凡社, 2007. 279 с.
12. 跋扈する怨霊。崇りと鎮魂の日本史 = Ямада Юдзи. Господствующие онрё. Проклятия и умиротворение: история Японии. Токио: 吉川弘文館, 2007. 199 с.